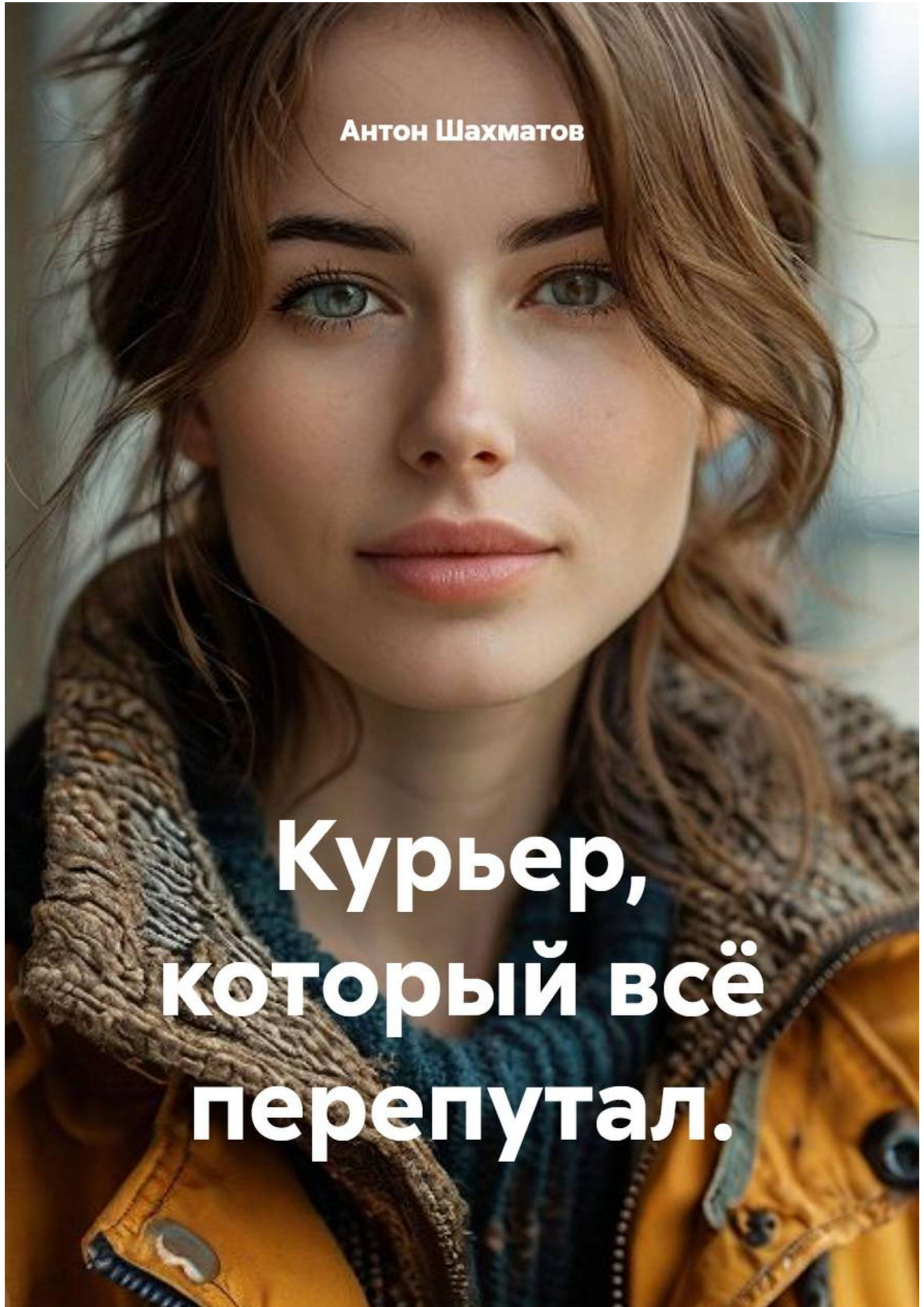

Антон Шахматов

**Курьер,
который всё
перепутал.**

АНТОН ШАХМАТОВ

Курьер, который всё перепутал.

«Автор»

2026

Шахматов А.

Курьер, который всё перепутал. / А. Шахматов — «Автор», 2026

Марина привыкла прятать уязвимость за безупречностью: идеальный текст, идеальный темп, никаких признаний в слабости. Пока один «не тот заказ» не привёл её к Жене — курьеру, который просто вовремя сказал: «Не паникуй. Мы что-нибудь придумаем». В череде городских будней рождается тихая опора: не громкие клятвы, а кофе точно по вкусу, не спасение от мира, а умение не уходить, когда страшно. Проходя через страх открытости и давление дедлайнов, Марина учится просить о помощи и видеть героев в обычных людях. А когда редактор предлагает ей серию «Маленькие герои города», она понимает: её сила — в честности. Это история о том, как перемены перестают пугать, когда рядом есть тот, кто не требует быть идеальной. И о том, что самые важные повороты начинаются с «не того заказа». Для всех, кто знает, как тяжело быть сильным каждый день — и как много значит одно простое «я тут».

© Шахматов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. «Не тот заказ»	6
Глава 2. «Слова, которые не пишутся»	8
Глава 3. «Вечер, который чуть не прошёл мимо»	10
Глава 4. «Тот самый кофе»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Курьер, который всё перепутал.

Глава

Глава 1. «Не тот заказ»

Утро в квартире Марины началось не с чашки кофе, а с первого уведомления. Потом второго. Потом третьего. Они сыпались на экран, как мелкий град по жестяной крыше: «Ваш заказ готов к доставке», «Курьер в пути», «Курьер у подъезда», «Курьер на этаже». Каждое сообщение сопровождалось коротким звуком — сначала нейтральным, потом раздражающим, будто специально рассчитанным так, чтобы его невозможно было игнорировать.

Марина стояла у окна, в халате, с растрёпанными волосами, и смотрела, как город просыпается. Не красиво, не кинематографично, а по-настоящему: с гулом машин, с криками грузчиков у соседнего магазина, с бесконечным мельканием курьеров на велосипедах и самокатах. Для кого-то это был шум. Для Марины — фон, который нужно перекричать, чтобы успеть сдать текст до дедлайна.

Она вздохнула, отошла от окна и потянулась к телефону. В списке задач висела одна строчка, выделенная жирным: *«Написать лид для статьи: Почему мы боимся быть искренними?»*. И под ней — ни слова. Только курсор, который мигал, будто издевался.

Снова пикинуло уведомление: «Курьер у двери».

Марина на секунду закрыла глаза. Ей хотелось, чтобы это был просто кофе. Просто салат. Просто что то, что можно съесть, не думая. Но она знала: даже доставка в этом городе — это уже мини переговоры, микроконфликт, маленькая битва за удобство.

Она открыла дверь ровно настолько, чтобы увидеть лицо курьера. Высокий, в тёмно синей форме, с рюкзаком, на котором висел маленький значок — фрагмент цитаты, но разобрать слова с порога было невозможно. Он улыбнулся — не дежурно, а будто искренне, как человек, который рад, что дверь вообще открыли.

— Доброе утро! Ваш заказ.

Голос у него был спокойный, без той торопливой бодрости, которую Марина терпеть не могла.

— Спасибо, — буркнула она, не глядя ему в глаза, и потянулась за пакетом.

Но Женья (она только сейчас заметила бейдж) не протянул пакет, а поставил его на пол у порога — ровно так, чтобы Марине не пришлось выходить в коридор, чтобы его забрать. Она этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

— Тут кофе и салат, — сказал он, чуть наклонив голову, будто пытался поймать её взгляд.

— Ага, — кивнула Марина, подхватила пакет и уже хотела закрыть дверь, но остановилась. Что то было не так.

Она заглянула внутрь. Кофе — не латте, а американо. Салат — не тот, что она заказывала: вместо лёгкого с авокадо и киноа — тяжёлый, с майонезом и копчёной курицей.

Внутри что то дёрнулось — то ли раздражение, то ли обида, будто кто то нарочно проигнорировал её выбор. Она сжала пакет, посмотрела на курьера и вдруг поняла: он всё ещё стоит и ждёт, будто надеется, что всё в порядке.

— Это не то, — сказала она, и голос прозвучал тише, чем хотелось.

Женья нахмурился, быстро глянул на экран планшета, потом снова на неё.

— Простите... Я думал, это... Сейчас проверю.

Он быстро пролистал что то в приложении, будто искал оправдание, и Марина вдруг почувствовала укол вины: он ведь не злодей, он просто курьер, у которого десять доставок в час. Но вина тут же растворилась в раздражении: ей нужен был именно тот кофе. Именно тот салат. Как будто это была единственная вещь, которую она могла контролировать в этом дне.

— Ничего, — сказала она уже спокойнее. — Просто не то.

— Я оформлю замену, — быстро проговорил он, водя пальцем по экрану. — Или могу привезти другой заказ, если скажете...

— Не надо, — перебила она, уже чувствуя, как хочется просто закрыть дверь и остаться одной. — Я напишу через приложение.

Он кивнул, будто понял: не словами, а интонацией, что разговор окончен.

— Хорошо. Простите ещё раз.

И ушёл, легко и быстро, как все курьеры — будто растворился в коридоре, оставив после себя только запах улицы и ощущение, что что то пошло не так.

Марина закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и посмотрела на пакет. Ей не хотелось ни есть, ни пить, ни думать. Хотелось, чтобы день начался заново — и чтобы в этот раз всё было правильно.

Она села на край дивана, открыла приложение доставки и начала печатать. Не грубо, не зло, а так, как её учили: вежливо, по делу, без эмоций.

Нажала «Отправить». И тут же получила автоматический ответ: «Спасибо за отзыв. Мы разберёмся».

Она хмыкнула. «Разберёмся» — это значит, что никто ничего не разберёт. Это значит, что система проглотит её жалобу, переварит и выдаст стандартную фразу.

Телефон пикинул снова. Но это было не от системы. Это было личное сообщение — от курьера.

Марина замерла. Это было странно. Никто не писал личных сообщений. Никто не просил рассказать про любимый кофе. Все просто доставляли, забирали, кивали и уходили.

Она посмотрела на экран, потом на пакет, потом снова на экран. И вдруг поняла, что впервые за утро ей не хочется злиться.

Пальцы сами начали печатать.

Она нажала «Отправить» и тут же испугалась: зачем она это написала? Зачем рассказала? Это ведь просто кофе.

Но где то внутри, под слоями усталости и раздражения, шевельнулось что то похожее на облегчение. Как будто она наконец сказала то, что хотела.

За окном город продолжал шуметь. Уведомления продолжали приходить. Дедлайн продолжал висеть над головой. Но на одну минуту Марина почувствовала, что не одна. Что кто то — пусть даже курьер с маленьким значком на рюкзаке — действительно хотел сделать всё правильно.

Она отложила телефон, достала из пакета американо и сделала глоток. Он был горьким, слишком простым, не её. Но сегодня это не имело значения.

Сегодня это было начало.

Глава 2. «Слова, которые не пишутся»

День в квартире Марины тянулся, как резинка, которую растягивают до предела, пока она не начнёт звенеть от напряжения. Окно выходило на внутренний двор, где под окнами вечно кто то спорил, кто то смеялся, а кто то просто стоял и смотрел в телефон, будто там был ответ на все вопросы. Марина смотрела туда же — в экран ноутбука, на белый лист, на одну единственную строчку, которую она пыталась написать уже третий час.

Под этой фразой зияла пустота. Не просто отсутствие слов — а ощущение, что если она напишет хоть что то настоящее, её тут же увидят насквозь. И не похвалят, а скажут: «Ну вот, ты и показала, какая ты на самом деле».

Она отодвинула ноутбук, потеряла виски, встала, прошлась по комнате. На столе лежала стопка записок: вырванные из блокнота страницы с фразами, которые казались умными утром, но к полудню выглядели как чужие. «Искренность — это смелость». «Быть собой — значит рисковать». «Правда делает нас уязвимыми». Всё это звучало как цитаты из мотивационных открыток, а не как её собственные мысли.

Марина вздохнула, открыла холодильник, посмотрела на его содержимое так, будто там должна была появиться подсказка. Ничего. Только бутылка воды, йогурт с истекающим сроком годности и одинокий лимон, который она купила «для чая», но так и не использовала.

Телефон снова пиликнул. Она вздрогнула, будто её поймали за чем то запрещённым. «Ваш заказ готов к доставке».

Ещё одно уведомление. Ещё одна маленькая обязанность, которую нужно выполнить: спуститься, забрать, сказать «спасибо», закрыть дверь. Но сегодня даже это казалось слишком большим действием.

Она села обратно за стол, снова уставилась на экран. Попробовала написать хоть что нибудь:

И остановилась. Потому что дальше начиналась правда. А правда была неудобной.

Через двадцать минут в дверь позвонили.

Марина на секунду замерла, будто надеялась, что курьер уйдёт, если не отвечать. Но потом вспомнила, что заказ оплачен, и если она не заберёт, его увезут обратно, а деньги не вернут. Эта простая, безжалостная логика заставила её встать и подойти к двери.

На пороге снова стоял Женя. В той же форме, с тем же рюкзаком, на котором поблескивал маленький значок. Сегодня он не улыбался сразу, будто заранее готовился к тому, что его снова встретят холодно.

— Здравствуйте, — сказал он спокойно, чуть наклонив голову. — Ваша посылка.

Он протянул коробку, но не выпустил её из рук сразу — словно давал Марине время решить, брать или нет.

Она взяла. Коробка была аккуратной, с фирменной лентой, но в ней не было того, что она ждала. Марина знала это ещё до того, как вскрыла.

— Это не то, — сказала она, и в голосе не было злости, только усталость. — Я заказывала другую модель.

Женя быстро глянул на экран планшета, нахмурился.

— Простите. Сейчас всё исправлю. Могу оформить замену прямо сейчас, или... если хотите, я могу привезти другой вариант, когда будет удобно.

Марина хотела сказать привычное «не надо, я сама через приложение», но вдруг заметила, что он не торопится уйти. И ещё — что в коробке, поверх упаковки, лежит маленькая бумажка, сложенная вчетверо.

Она потянулась к ней, развернула.

Почерк был аккуратный, не размашистый, будто человек старался писать ровно, чтобы не выдать своего волнения.

Марина подняла глаза на Женю. И впервые не отвела взгляд сразу.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Это... неожиданно.

Он чуть улыбнулся, но не так, будто радовался, что угадал, а так, будто просто хотел, чтобы ей стало чуть легче.

— Не за что. Правда. Если хотите, могу просто постоять здесь, пока вы разбираетесь. Или уйти, если лучше одной.

Это было самое странное предложение за последнее время. Кто предлагает «просто постоять»? Кто вообще думает, что человеку может понадобиться, чтобы кто то просто постоял рядом?

— Лучше уходите, — сказала Марина, но мягче, чем хотела. — У вас ещё сто доставок.

— Девять, — поправил он, чуть улыбнувшись. — И я не считаю их как «сто». Для меня каждая — это кто то, кому сегодня что то нужно. Даже если это просто коробка.

Она кивнула, не зная, что ответить.

— Ладно. Тогда... хорошего дня, — сказал он и пошёл по коридору, легко, привычно, как человек, который знает, что его место — в движении.

Марина закрыла дверь, села на пол прямо у порога и снова посмотрела на записку. Потом на коробку. Потом снова на записку.

И вдруг поняла: она не хочет писать жалобу. Не хочет нажимать кнопки, выбирать варианты, ставить галочки напротив «несоответствие товара». Ей просто хотелось, чтобы кто то понял: да, это не то. И да, ей от этого немного обидно.

Но она не умела об этом говорить.

Остаток дня тянулся ещё медленнее. Марина пыталась вернуться к тексту, но теперь слова казались ещё более чужими. Она открывала заметки, читала свои фразы и морщилась: они звучали как маски. Как защита. Как способ спрятаться за красивыми словами.

Ближе к вечеру она снова подошла к окну. Город не стал тише — он просто сменил тональность: крики грузчиков сменились гудками такси, смех детей — разговорами взрослых, которые торопились домой.

Телефон пикинул: напоминание о дедлайне. Осталось сорок восемь часов.

Марина села за стол, открыла приложение доставки, нашла историю заказов. И вместо жалобы начала печатать.

Она нажала «Отправить» и тут же почувствовала, как внутри что то расслабилось. Это не было признанием в любви. Это не было исповедью. Это было просто уточнение. Но в нём было больше правды, чем в любой фразе, которую она пыталась написать для статьи.

Потом она закрыла приложение, закрыла ноутбук и на минуту просто посидела, глядя в окно.

Сегодня ей не удалось написать ни строчки для статьи. Но она сделала кое что другое: позволила себе быть неидеальной. Позволила себе сказать, что ей не нравится. И даже — совсем чуть чуть — позволила кому то попытаться это исправить.

За окном город продолжал жить своей жизнью. А внутри квартиры, среди стопки заметок и недописанных фраз, стало чуть тише. И чуть светлее.

Глава 3. «Вечер, который чуть не прошёл мимо»

К вечеру в квартире стало душно, будто воздух за день успел устать от бесконечных мыслей, которые Марина пыталась в него упаковать. Статья по-прежнему не шла: фразы получались гладкими, как обкатанная галька, но безжизненными. Марина несколько раз перечитывала написанное, морщилась и стирала. Ей хотелось не гладкости — ей хотелось правды, но правда каждый раз застревала где-то между клавишами, не доходя до экрана.

Телефон показывал 19:17. За окном город не собирался затихать: по улице всё так же неслись машины, на углу кто-то громко смеялся, а из соседнего подъезда доносился звук чьей-то жизни — не её, но такой знакомой.

В холодильнике было пусто. Не в смысле «ничего нет», а в смысле «нет ничего, что хочется». Марина достала бутылку воды, посмотрела на неё, как на последний аргумент в споре с собой, и поняла: если она сейчас останется в четырёх стенах, то снова начнёт гонять по кругу одни и те же мысли.

Она накинула лёгкую куртку, сунула телефон в карман и вышла из квартиры. Просто за водой — так она сказала себе. Но на самом деле ей хотелось на пять минут почувствовать, что мир больше, чем экран ноутбука.

Кафе рядом с домом было из тех мест, где никто не удивляется, если ты садишься за столик с ноутбуком и просиживаешь два часа, ничего не заказывая. Но сегодня Марина не собиралась прятаться за работой. Она подошла к стойке, заказала стакан воды и огляделась. В углу кто-то тихо спорил о музыке, у окна девушка листала книгу, не замечая ничего вокруг, а у входа, прислонив велосипед к стене, возился с рюкзаком знакомый силуэт.

Марина замерла. На секунду ей захотелось развернуться и уйти, пока её не заметили. Но потом она вспомнила записку: *«Если это опять не то, просто скажите. Я умею слушать»*. И поняла, что сегодня ей не хочется снова прятаться.

Женя поднял голову, увидел её — и на его лице не появилось ни дежурной улыбки, ни попытки казаться кем-то другим. Он просто кивнул, будто был рад, что это именно она.

— Привет, — сказал он, застёгивая молнию на рюкзаке. — Ты тут... просто так?

— Просто за водой, — ответила Марина, чуть пожав плечами, и тут же почувствовала, как это звучит по-детски. — Ну, и чтобы немного проветриться.

Он улыбнулся, не широко, а так, будто понимал: иногда «просто за водой» — это целая история.

— Тут хороший воздух, — пошутил он. — Особенно если стоять подальше от дороги.

Марина хмыкнула, и напряжение, которое она носила весь день, чуть ослабло.

— Ты закончил смену? — спросила она, кивнув на велосипед.

— Почти. Ещё два заказа, но они тут рядом. Можно не торопиться.

Они стояли у входа в кафе, и между ними не было привычной границы «курьер — получатель». Не было планшета, не было сканирования штрихкода, не было уведомлений. Был вечер, шум города и ощущение, что можно просто поговорить.

— Слушай, — вдруг сказала Марина, сама не ожидая от себя такой смелости. — Прости, что в первый раз так холодно отреагировала. Просто день был... тяжёлый.

Женя чуть наклонил голову, будто взвешивал её слова, и спокойно ответил:

— Ничего. Иногда «не тот заказ» — это просто плохой день. Главное, что ты не стала делать вид, что всё нормально, если это не так.

Она кивнула, чувствуя, как внутри что-то выравнивается.

— А ты... — начала она и запнулась, потому что не знала, как правильно спросить. — Ты всегда так... стараешься?

Он пожал плечами, будто это ничего не стоило, но в глазах мелькнуло что-то серьёзное.

— Не всегда. Но когда видишь, что человеку важно, чтобы всё было правильно, — хочется постараться. Даже если это просто кофе.

И тут он улыбнулся и добавил:

— Значит, латте без сиропа, чуть горячее обычного. Запомнил.

Марина впервые посмотрела ему прямо в глаза и смущённо кивнула.

— Спасибо, — сказала она тихо, без привычной вежливой отстранённости. — Это... приятно.

Они зашли в кафе вместе, хотя никто никого не приглашал. Женья взял себе чай, Марина — всё тот же стакан воды, но теперь ей казалось, что этого достаточно. Они сели у окна, откуда было видно, как город постепенно меняет краски: из ярко-дневного становится приглушённо-вечерним, будто примеряет другой наряд.

Пока Женья расстёгивал куртку, Марина заметила маленький значок на его рюкзаке — тот самый, который она уже видела. На нём была выбита короткая фраза, но разобрать её отсюда было сложно. Ей вдруг очень захотелось спросить, что она значит.

Она уже открыла рот, но тут же закрыла. Слишком личное. Слишком похоже на попытку залезть туда, куда её пока не звали. И она отвела взгляд, будто надеясь, что он не заметит её любопытства.

Но Женья заметил. Он коснулся значка пальцами, как будто проверяя, на месте ли он, и сказал:

— Это цитата из одной старой книги. «Слова — это якоря». Мне нравится думать, что если у тебя есть хоть одно правильное слово, ты не унесёшься куда-нибудь совсем не туда.

Марина помолчала, переваривая это. И вдруг поняла, что именно ей сегодня не хватало: якоря. Чего-то, за что можно держаться, когда все слова кажутся неправильными.

— У меня сегодня слова не держатся, — призналась она, сама удивляясь, как легко это прозвучало. — Пытаюсь написать текст, а получается какая-то глянцевая пустота.

Женья не стал её подбадривать дежурными фразами вроде «у тебя всё получится». Он просто спросил:

— А о чём он должен быть?

— О том, почему мы боимся быть искренними, — сказала Марина и тут же поморщилась, будто сама услышала, как пафосно это звучит. — Звучит как заголовок для мотивационного поста, да?

Женья покачал головой:

— Нет. Звучит как то, что тебя действительно волнует.

Она вздохнула и рассказала ему про статью, про дедлайн, про то, как страшно написать что-то настоящее и вдруг обнаружить, что тебя никто не поймёт. Женья слушал, не перебивая, не доставая телефон, не поглядывая на часы. Он просто смотрел на неё так, будто её слова были важны сами по себе, даже если они не складывались в идеальный текст.

Когда она замолчала, в кафе повисла не неловкая, а хорошая тишина — та, в которой не нужно ничего добавлять.

— Знаешь, — сказал Женья после паузы, — иногда самое трудное — это не написать первое слово. А не стереть его потом, когда захочется спрятаться.

Марина улыбнулась, впервые за день по-настоящему.

Когда он ушёл за своими последними заказами, Марина осталась у окна. Она смотрела, как он садится на велосипед, как поправляет рюкзак, как машет рукой кому-то из прохожих, и чувствовала, что сегодняшний вечер чуть-чуть изменил её привычный маршрут.

Вернувшись домой, она не села сразу за ноутбук. Сначала она поставила чайник, потом подошла к окну и посмотрела, как город зажигает огни. Уведомления на телефоне по-прежнему приходили, но сегодня они не казались ей приговором.

Она открыла приложение доставки, но не для того, чтобы оформить заказ. Просто посмотрела на историю, на сообщения, на ту самую строчку: *«Латте. Без сиропа. Чуть горячее обычного»*. И поняла: ей не хочется снова прятаться за чатом. Ей хочется, чтобы следующий раз, когда они встретятся, она смогла сказать что-то простое, но настоящее.

На экране ноутбука всё ещё висела недописанная статья. Но теперь она знала, с чего начнёт. Не с красивой фразы, а с правды: *«Сегодня я боялась написать слово, потому что думала, что оно меня выдаст. Но оказалось, что иногда слово — это не ловушка. Это якорь»*.

Она напечатала это и не стала стирать.

За окном город продолжал жить своей жизнью. А внутри квартиры, среди стопки заметок и недописанных фраз, стало чуть светлее. И чуть спокойнее.

Глава 4. «Тот самый кофе»

Утро началось не с будильника, а с короткого, почти виноватого звука уведомления. Марина открыла глаза, поморщилась от слишком яркого света, пробивавшегося сквозь щель в шторах, и потянулась к телефону.

«Ваш заказ готов к доставке».

Она замерла, на секунду задержав дыхание. Вчерашний вечер всё ещё жил внутри неё — разговор у окна, слова про якоря, ощущение, что можно не прятаться за идеальными формулировками. И теперь это уведомление звучало не как обязанность, а как обещание: сегодня что-то будет правильно.

Марина встала, накинула халат, подошла к окну. Город уже был в движении: машины выстраивались в утренние пробки, курьеры на велосипедах и самокатах ловко лавировали между пешеходами, рекламные экраны мигали, будто пытались перекричать друг друга. Всё было как всегда. Но сегодня ей казалось, что она видит это чуть иначе — будто город не давит, а предлагает: «Попробуй сегодня по-другому».

В дверь позвонили ровно в 8:47.

Марина открыла, заранее готовя вежливую улыбку — ту самую, которая ничего не обещает и ни к чему не обязывает. Но когда она увидела Женю, улыбка стала настоящей.

Он стоял с пакетом и картонным держателем, в котором уютно устроились два стаканчика. На лице у него была лёгкая улыбка — не широкая, будто он боялся показаться слишком настойчивым, но в ней было что-то тёплое, как в первых лучах солнца, когда они ещё не обжигают, а просто напоминают, что день начался.

— Доброе утро, — сказал он тихо, будто не хотел спугнуть этот момент. — Тут кофе. Латте, без сиропа, чуть горячее обычного. Я проверил три раза.

Марина почувствовала, как внутри что-то расслабилось — словно узел, который она носила с собой несколько дней, наконец поддался.

— Спасибо, — сказала она, и в этом «спасибо» не было привычной дежурной вежливости. В нём была искренность, которую она ещё боялась называть вслух, но уже позволяла себе чувствовать.

Женя протянул пакет, а вместе с ним — маленький бумажный прямоугольник, сложенный пополам.

— Ещё тут... — он чуть замялся, будто сомневался, стоит ли отдавать. — Просто записка. Ничего особенного.

Марина взяла. Открыла.

Она улыбнулась. И вдруг поняла, что эта фраза — словно ключ к тому, что с ней происходит. Она столько времени пыталась всё делать идеально, будто каждый шаг должен быть безупречным, а оказалось, что иногда достаточно просто совпасть с кем-то в ритме: в темпе, в паузах, в том, как долго можно молчать, не чувствуя неловкости.

— Это... очень точно, — сказала она, поднимая глаза на Женю. — Спасибо.

Он кивнул, будто это было самое обычное дело — дарить людям фразы, которые попадают прямо в сердце.

— Рад, что понравилось. Если что-то снова будет не так — скажи. Я... ну, я правда стараюсь.

— Всё так, — ответила Марина, крепче прижимая к себе стаканчик. — Впервые всё так.

На секунду между ними повисла тишина. Но не та, которую хочется поскорее заполнить словами, а хорошая, уютная тишина — как пауза между двумя аккордами, когда музыка ещё звучит внутри, даже если снаружи уже тихо.

— Ладно, — сказал Женя, будто вспомнив, что у него ещё девять доставок и город не ждёт. — Хорошего дня.

— И тебе, — ответила Марина и вдруг добавила, не успев подумать: — Если вдруг будет время... можно ещё раз поговорить про якоря?

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что Марине захотелось запомнить её, чтобы доставать в те дни, когда снова станет страшно быть собой.

— Можно, — кивнул он. — Я тут. Ну, в смысле... в городе. И в доставке. Пока ещё.

И ушёл, легко и привычно, растворяясь в шуме коридора, оставляя после себя только запах улицы, кофе и ощущение, что день может быть хорошим.

Марина закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и посмотрела на стаканчик. Латте. Без сиропа. Чуть горячее обычного. Тот самый.

Она сделала глоток. Кофе был не просто вкусным — он был правильным. Как будто кто-то наконец услышал её маленькую просьбу и выполнил её не формально, а с вниманием.

Потом она достала из пакета открытку, снова прочитала фразу и улыбнулась.

Но следом пришёл укол вины — острый, колючий, знакомый. Она так привыкла быть вежливой и отстранённой, прятать свои настоящие эмоции за стандартными фразами, что теперь, когда кто-то сделал для неё что-то по-настоящему хорошее, она не знала, как сказать «спасибо» так, чтобы это звучало искренне. Ей казалось, что любое слово будет либо слишком маленьким, либо слишком пафосным.

«Спасибо, что ты три раза проверил» — звучало странно. «Ты меня спас» — слишком громко. А обычное «спасибо» теперь казалось пустым, потому что внутри было гораздо больше.

Марина села на край дивана, поставила кофе рядом и открыла ноутбук. Статья всё ещё висела на экране — недописанная, упрямая, будто ждала, когда хозяйка наконец решится сказать правду.

Эти строки, написанные вчера вечером, всё ещё были на экране. И сегодня они не казались ей глупыми. Наоборот — они звучали честно.

Но дальше текст не шёл. Ей хотелось написать про страх, про то, как трудно быть искренней, когда кажется, что все вокруг знают, как надо, а ты — нет. Но каждое следующее слово будто упиралось в невидимую стену: «А вдруг это никому не нужно? Вдруг это слишком личное? Вдруг меня сочтут слабой?»

Она закрыла ноутбук, не в силах смотреть на эту пустую белизну, которая требовала от неё смелости.

Кофе остывал. Город шумел. А Марина сидела и думала о том, как странно устроена искренность: она кажется уязвимостью, которую нельзя показывать, будто если ты признаешься, что тебе бывает страшно, то мир тут же этим воспользуется. Но вчерашний разговор с Женей подсказывал, что иногда уязвимость — это не слабость. Иногда это приглашение: «Я здесь. Я настоящий. Будь рядом».

Телефон снова пиликнул. На этот раз не уведомление о доставке, а напоминание о дедлайне. Осталось сорок шесть часов.

Марина вздохнула, взяла телефон и открыла чат с курьером. Пальцы замерли над клавиатурой. Что написать? Как передать то, что внутри?

Она начала печатать, стирая и переписывая каждую фразу.

Наконец она остановилась на последнем варианте. Просто. Честно. Без пафоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.